

С резким металлическим звоном черный меч застыл, натолкнувшись на связку бусин. Острие замерло у самой груди Цюй Цзючуаня. Лянь Цзяньюэ, навалившись всем телом, попытался добавить удар, но клинок будто врос в воздух. И прежде чем он успел хоть что-то предпринять, стягивавшая Цзючуаня нить Бусин Девяти Изгибов лопнула сама собой. Бусины посыпались на зеркальный пол, прямо на глазах превращаясь в бесформенную мягкую шелуху, похожую на увядшие лепестки, сквозь которые пробивалось багровое свечение.

Цюй Цзючуань кубарем покатился по полу. К счастью, целый и невредимый. Лянь Цзяньюэ, хоть и облегченно выдохнул, расслабляться не спешил. Он мгновенно заслонил собой друга, не спуская глаз с рассыпавшегося багрянца.

— Думаешь, эта дрянь не рванет? — натянутым, как струна, голосом спросил он.

Цюй Цзючуань ловко вскочил на ноги, сгреб Цзяньюэ в охапку и оттащил подальше. Оба замерли, напряженно глядя на ворох лепестков. Стяжка распалась, но на сморщенной мягкой скорлупе то и дело с негромким треском вспыхивали алые искры.

— Дело дрянь, — мрачно резюмировал Цзючуань. — Мои бусины отбились от рук. По идее, раз нить порвана и они на полу, искрам взяться неоткуда. Рванет или нет — бес его знает. Давай переждем минуты три.

Лянь Цзяньюэ кивнул и вдруг прищурился:

— Погляди на их отражение.

Цзючуань присмотрелся и удивленно присвистнул:

— Надо же... В отражении это идеальные круглые Бусины Девяти Изгибов, а на полу — какая-то бесформенная труха. — Он еще сильнее сжал плечо Цзяньюэ, понизив голос до шепота: — Странное чувство. Будто они больше мне не принадлежат. Совсем. Похоже, монаху до нас нет дела.

Лянь Цзяньюэ тоже перевел взгляд на безмолвную фигуру:

— А ты уверен, что на тебя напал именно он? Я не видел, чтобы он шевельнулся. Я вообще... не видел его рук.

Широкие рукава монаха были сложены вместе; казалось, под ними он держал ладони сомкнутыми в буддийском приветствии.

— Если это не он, то кто? — сердито насупил Цзючуань. — На меня ведь напали сверху, а там, кроме этого монаха, ни души.

У Цзяньюэ не было ответа. Впрочем, его самого терзало другое смутное сомнение, которым он решил поделиться:

— Когда я замахнулся мечом... что ты почувствовал?

— Решил, что ты меня порешишь на месте! Но...

— Но?

— Сразу видно, что фехтовать ты не умеешь от слова совсем — махал чисто напролом, за счет грубой силы. Сначала я почувствовал лишь неуклюжий, тяжелый порыв воздуха. Но когда клинок оказался у самого лица, от него повеяло настоящей ледяной, жуткой энергией. Словно покойник из чащи скалится. Аж мороз по коже.

— Вот и мне показалось, — тихо произнес Лянь Цзяньюэ, — будто меч опустился сам по себе.

Он опустил взгляд на черное оружие и взвесил его в ладонях:

— Длина три чи и один цунь, вес — около двух цзиней. Тяжеловат... В «Анналах древних и современных мечей и сабель» упоминается, что Дэн Ай в двенадцать лет откопал под каменной стелой бесценный клинок. Тот был длиной чуть больше трех чи, «черный, как лак», и «исходила от него дымка, наводящая трепет, отчего люди почитали его за святыню».

— И зачем только Дэн Аю сдалось чужие стелы раскапывать? — хмыкнул Цзючуань.

Лянь Цзяньюэ невольно улыбнулся:

— Три минуты прошли.

Багровая шелуха на полу так и не взорвалась, а мерцающие искры погасли без следа.

— Вроде пронесло, — облегченно выдохнул Цзючуань.

Лянь Цзяньюэ почувствовал, как с плеч свалилась огромная гора. Однако этот минутный покой обернулся против него. Изнуренное тело, державшееся лишь на упрямстве и чистом адреналине, когда приходилось ворочать тяжелым клинком, мгновенно сдало. Теперь, когда опасность миновала, иссякли и последние крохи сил. В голове зашумело, внутри образовалась звенящая пустота. Земля ушла из-под ног. Едва не рухнув, Цзяньюэ оперся на меч, как на трость, и навалился плечом на ближайшую каменную пагоду, чтобы устоять.

— Эй, ты как? — Цзючуань тут же подхватил его под локоть. — Похоже, монаху до нас

окончательно нет дела. Посиди пока здесь, а я притащу твоего старика. Если ты не против святотатства, прямо тут его и кремируем.

Цзяньюэ слабо отмахнулся, ловя ртом воздух:

— Я же говорил... жги прямо здесь.

Цзючуань замялся, косясь на фигуру в белом:

— А этот бритоголовый не начнет опять швыряться в нас молниями или чем он там швырялся?

Лянь Цзяньюэ тоже с сомнением поднял взгляд. В этот миг молодой монах слегка приподнял голову и посмотрел прямо на него. Их глаза встретились. Во взоре монаха не было ни гнева, ни милосердия — лишь абсолютная, пугающая пустота, бездонная и чистая, словно зимнее небо. От этого взгляда у Цзяньюэ кровь застыла в жилах, а конечности онемели от могильного холода.

Он содрогнулся от внезапного озноба, в груди болезненным спазмом сжались легкие, а к горлу подступил знакомый металлический привкус крови. И все же этот леденящий контакт почему-то вернул ощущение реальности. Цзяньюэ подсознательно почувствовал: с этим существом теперь можно говорить.

С трудом сглотнув слюну и переборов приступ кашля, Цзяньюэ хрипло обратился к монаху:

— Мастер... Лянь Уцзэн скончался. Перед смертью он умолял привезти его тело сюда и предать огню. Мы не собирались осквернять святую обитель. Прошу вас, проявите милосердие, позвольте исполнить его последнюю волю.

Только сейчас, вглядываясь в лицо монаха, Цзяньюэ заметил длинный, уродливый шрам, перечеркивающий его горло прямо у гортани.

Монах безмолвствовал, продолжая сверлить его глазами.

Желая показать свои мирные намерения, Лянь Цзяньюэ отложил черный меч и благоговейно сложил ладони.

— Чувствуешь? — шепнул ему на ухо Цзючуань. — Будто благодать снизошла. Он на меня так смотрит, что я уже и зла на него не держу. Ни за нападение, ни за то, что бусины мои испоганил. А ведь ты даже не представляешь, сколько трудов стоит смастерить хотя бы одну Бусину Девяти Изгибов...

Цзючуань запричитал навзрыд, оплакивая свои погибшие сокровища. И в этот момент монах

бесшумно, словно пушинка, соскользнул с высоты прямо к их ногам. Легкий взмах его руки — и выстроившиеся полукругом пагоды плавно пришли в движение, расступаясь и открывая узкий проход. В самом его конце, на чистом, как зеркало, полу, лежало обнаженное тело Лянь Уцзэна.

Но, странное дело, тело покойника совсем не отражалось в зеркальной глади.

Зато отражение самого монаха было отчетливым. Два абсолютно одинаковых силуэта, разве что тот, в глубине пола, казался еще чище, а его белые одежды сияли неземным, ослепительным светом.

Монах приблизился к гостям и отвесил легкий поклон. Из широких рукавов выскользнули изящные, бледные, словно выточенные из нефрита пальцы. Он прижал указательные пальцы к уголкам своего рта и потянул их вверх, насильно растягивая губы в беззвучной улыбке.

Цзючуань от неожиданности и страха громко икнул. Цзяньюэ тоже опешил. Картина выглядела одновременно комично и жутко. И хотя эта искусственная улыбка казалась невероятно искренней, а в глазах монаха заиграло мягкое тепло, зрелище все равно оставляло гнетущее, потустороннее впечатление.

Улыбающийся монах развернулся и неспешно направился к телу Уцзэна.

Цзючуань с шумом выдохнул, разминая затекшую шею и запястья:

— Слышь, а ведь он походу проникся. Как про мои бусины услышал, так сразу подобрел. Знал бы я, что он такой жалостливый, с самого начала бы зарыдал.

Цзяньюэ не стал спорить.

— Туман, Призрачная Трава, пожар, Храм Разрешения Мирских Уз... здесь вообще ничего не подчиняется здравому смыслу. Раз нас больше не пытаются прикончить, то и ломать голову нечего.

Пока он говорил, монах подошел к усопшему. Движением фокусника он запустил ладонь в одну из каменных пагод, выудил оттуда сгусток черного пламени и небрежно бросил его на труп. Тело мгновенно занялось ровным темным огнем.

Цзючуань трусцой побежал следом.

— Ого, горит! Это что, истинное пламя самадхи? — Он принялся бесцеремонно заглядывать в ниши других пагод. — Мастер, а у вас тут знатный склад всякого барахла. Письменная кисть, копье... Погодите, это что, винтовка? Настоящий огнестрел?

Монах проигнорировал его любопытство. Он бесшумно опустился на колени рядом с костром и пальцами потянул уголки губ вниз, изображая скорбный плач.

Цзючуань подсел ближе к огню:

— Уважаемый, ведь это же Храм Разрешения Мирских Уз, верно? Что это вообще за место такое?

Цзяньюэ подошел и встал у ног усопшего:

— Я читал, что в древности воины устраивали могилы для оружия. Хоронили клинки, пролившие слишком много крови, чтобы упокоить души замученных жертв.

— Про могилы мечей я тоже слышал, — кивнул Цзючуань. — Но зеркало-то здесь зачем? Не мачехи же Белоснежки это наследство?

— Зеркало ранит не хуже стали, — тихо заметил Цзяньюэ.

Цзючуань почесал затылок:

— Типа скрытого оружия?

В этот момент в животе у Цзючуаня звучно заурчало. Монах молча перевел на него взгляд, залез в свой бездонный рукав и выудил два крупных спелых персика. По одному каждому. Цзючуань так и расплылся в улыбке, вежливо поклонившись:

— Премного благодарен! — Затем толкнул локтем Цзяньюэ и зашептал: — Смекаешь? Этот святой отец признает только искренние жалобы. Поплачешься ему — он расщедрит на милость. А начнешь быковать — он в лепешку расшибет. Прямо как пружина. Назовем его Мастером Пружиной.

Цзяньюэ действительно проголодался, поэтому без лишних церемоний взял персик и откусил сочную мякоть. Болтовня друга вызвала у него смех, он поперхнулся и отчаянно закашлялся. Монах тут же вытащил из рукава пиалу, до краев наполненную чистой водой, и протянул ему.

Цзючуань вытаращил глаза:

— Настоящий Дора-а-ши...

Цзяньюэ сделал несколько глотков и укоризненно посмотрел на спутника:

— Ешь давай. Помолчи хоть минуту.

Цзючуань обеспокоенно заглянул ему в лицо:

— Ты бы сам поберегся. Не спеши так, а то опять кровью плевать начнешь. У тебя на губах до сих пор багровые следы. Слушай, это точно не чахотка? Она вообще заразная?

— Обычный застой ци в легких, ничего страшного. Кровь застаивается от перенапряжения. Видишь же, я в полном порядке.

— Ничего себе «ничего страшного»! Кровью харкаешь, а ему хоть бы хны. Что для тебя тогда страшно — легкие выплюнуть? Цзя-гэ, это женщины сотканы из чистой воды, а мы, мужики, держимся на одной крови. Нельзя так наплевательски к себе относиться.

Он понизил голос до едва различимого шепота:

— Глян, у нашего Дора-а-ши на правом запястье случайно не татуировка?

Цзяньюэ заметил этот рисунок еще раньше. На тыльной стороне ладони монаха действительно виднелись чернильные узоры, но тот держал руки глубоко в рукавах, вынимая их лишь на мгновение — то скорчить очередную гримасу, то передать еду. Разглядеть детали было невозможно.

Допив воду, Цзяньюэ вернул пиалу. Монах забрал посуду, на секунду задержал взгляд на его лице и мягким движением пальца стер каплю крови с его подбородка. В этот миг Цзяньюэ успел рассмотреть и намертво запечатлеть в памяти замысловатую, похожую на даосское заклинание вязь на его коже.

Вскоре с сочными персиками было покончено. Черное пламя, пожирившее Лянь Уцзэна, улеглось. Исход мало чем отличался от обычной кремации в городской печи: плоть обратилась в прах, оставив после себя лишь горсть темно-серого пепла да несколько обгоревших хрупких костей.

Монах снова пальцами растянул губы в улыбке и бесцеремонно запустил ладонь прямо в остывающий прах.

Цзючуань поспешно утер рот рукавом и дернул друга за край одежды:

— Смотри! Это что, священные реликвии?

Среди пепла действительно тускло поблескивали идеально круглые угольно-черные бусины.

Цзючуань заговорил громче, едва сдерживая возбуждение:

— Ну точно! Твой старик наверняка состоял в этом храме почетным послушником. Пусть это место и не совсем похоже на монастырь, но гляди — он оставил после себя настоящие священные реликвии! Посчитай, сколько их тут!

Цзяньюэ, скрестив руки на груди, замороженно смотрел на находку:

— Надо же... Отец не врал. Ровно семь штук.

— В смысле — не врал?

— Перед смертью Лянь Уцзэн сказал, что после кремации останутся Семь Священных Реликвий. И мне нужно развезти их по семи адресам и вручить семи разным людям.

Цзючуань вытаращил глаза:

— Твой покойный батя часом не переиграл в ролевые квесты?

Между тем монах аккуратно выбрал все светящиеся черным глянцем бусины и протянул их законному владельцу. Цзяньюэ подставил ладонь. Семь круглых реликвий поочередно опустились на его кожу. Они до сих пор сохраняли мягкое, почти живое тепло.

Цзяньюэ опустил ресницы, выбрал одну из реликвий и протянул монаху:

— Одну из них он велел отдать вам.

Монах принял черную бусину и спрятал в складках одеяния. Его лицо разгладилось — теперь на нем не было ни нарисованной скорби, ни деланного веселья. В этот миг Цзяньюэ вновь почудилось, будто в лицо ему дохнуло январской стужей. В ушах завыл ледяной северный ветер, сквозь гул которого явственно проступил чужой шепот:

"Раз уж тебе удалось пробудить Меч Плачущего Дождя, значит, его кровавая жатва еще не закончена. Забирай его с собой".

Цзяньюэ вскинул голову. Шрам на шее монаха, который за все время не проронил ни звука, внезапно исчез без следа. Черный меч, воткнутый в зеркальный пол, мерцал таинственным холодным сиянием.

— Ты слышал? — взволнованно спросил Цзяньюэ у Цзючуаня. — Он сейчас заговорил!

— Говорил? Да кто? — Цзючуань недоуменно моргнул. — Братец, тебя до сих пор от Призрачной Травы штормит? — Он хлопнул себя по колену: — А, эврика! Мы же до сих пор грезим наяву под действием этих спор! Иначе как объяснить весь этот сюрреализм? — Он обвел рукой пустое пространство пагод. Его глаза, еще мгновение назад горевшие любопытством, внезапно подернулись мутной пеленой. Лицо исказила глубокая усталость. Сладко зевнув, он повалился прямо на зеркальный пол и пробормотал: — Сил моих нет... Посплю малехо...

Цзяньюэ попытался растолкать его, но Цзючуань уже погрузился в глубокий, беспробудный сон и мерно захрапел. Обернувшись к монаху, Цзяньюэ с содроганием увидел, что уродливая полоса шрама вновь проступила на его шее.

Солнце по-прежнему стояло высоко. Цзяньюэ спрятал оставшиеся шесть реликвий и попытался успокоить бешено колотящееся сердце. Внезапно непреодолимая, свинцовая тяжесть навалилась и на него. Веки сами собой сомкнулись, и он провалился в небытие.

Когда он пришел в себя, Цзючуань уже сидел рядом, вытянув руку с зажатым в ней телефоном к небу в поисках сигнала. Вокруг сиял мирный солнечный день, по лазурному небу неспешно плыли редкие пушистые облака.

— Ловит! — радостно завопил Цзючуань, подскочив на месте. Заметив, что друг зашевелился, он широко улыбнулся: — Очнулся? Ну с возвращением нас в Каменную деревню!

Лянь Цзяньюэ приподнялся на локтях, раздвигая сухие шершавые стебли. Они действительно сидели посреди густых зарослей кукурузы, надежно укрытые от посторонних глаз.

— С чего ты взял, что мы в Каменной деревне? — спросил он, отряхиваясь. — Навигатор заработал?

Цзючуань без лишних слов сорвал спелый початок и сунул в карман:

— Да тут в округе только старик Ли выращивает эту разноцветную кукурузу. Сяо Ли, трус паршивый, сбежал в самый ответственный момент... Даже Сяо Ван на его фоне выглядит честнее — тот хотя бы сразу признался, что связываться не хочет.

Сорвав еще один початок, он бросил его Цзяньюэ и уверенно зашагал сквозь шуршащую листву вперед:

— Я когда глаза открыл, сразу эту плантацию узнал. Кстати, насчет черного меча: если он тебе без надобности, уступи мне. Я, считай, из-за него целую Бусину Девяти Изгибов потерял.

Цзяньюэ огляделся. Меч действительно торчал из земли прямо у его ног. Но теперь он выглядел иначе — лезвие словно покрылось толстым слоем матового черного лака, скрывшего

былое сияние.

— Как я его повезу? — озадаченно пробормотал он. — Меня же на первом же вокзале с таким конфискатом повяжут.

— Да брось ты, — отмахнулся Цзючуань, обернувшись. — Я его уже пощупал — он же каменный. На досмотре скажешь, мол, детская игрушка или реквизит для косплея. С твоей-то шевелюрой, фигурой и смазливym лицом тебе любая проводница поверит, что ты модель на выездной съемке. Ну так что, идешь или как?

Лянь Цзяньюэ ухватился за рукоять и легко вытянул оружие из земли. К его крайнему изумлению, клинок лишился былой неподъемной тяжести — теперь он казался невесомым, точно лебяжье перо.

Поторопившись на зов Цзючуаня, он нагнал друга. Они выбрались из кукурузных дебрей на грунтовую межу и принялись отряхивать налипшую грязь и сухие листья, как вдруг из ворот ближайшей усадьбы с криками выбежала грузная женщина средних лет. Размахивая руками, она запричитала на местном диалекте, без лишних церемоний схватила парней за рукава и потащила к припаркованному трехколесному грузовичку. Усадив их в кузов, она завела мотор и с грохотом помчалась в сторону сельской больницы.

— Это мать Сяо Ли, — шепнул Цзючуань на ухо Цзяньюэ, пока их трясло на ухабах. — Говорит, парень совсем плох, занемог какой-то чертовщиной, будто душу у него украли. Везут нас к нему, он сейчас под капельницей лежит.

В палате для капельниц было безлюдно. На заправленной казенной койке бледной тенью лежал исхудавший Сяо Ли. На его лице не было ни кровинки. Завидев вошедших, он в панике подскочил, принялся иступленно щипать себя за руки и хлопать по щекам:

— Господи... Я не сплю? Это правда вы?!

Мать Сяо Ли бросилась к сыну, обнимая его за плечи, и парень наконец разрыдался в голос:

— Я же просто отошел до ветру... Оборачиваюсь — а вас нет! Двое суток от вас ни слуху ни духу! Вся деревня на уши встала, прочесывали каждый овраг. Кое-кто вообще начал болтать, будто вас никогда и не существовало... Я думал, все... с ума схожу, крыша поехала!

Женщина тоже расплакалась. Утерев слезы подолом, она бросила виноватый взгляд на Цзючуаня, подхватила пустой термос с тумбочки и тихо вышла за дверь.

Цзючуань сочувственно похлопал Сяо Ли по вздрагивающему плечу и выложил на одеяло сорванные в поле початки. При этом он отчаянно подмигнул Цзяньюэ. Тот сообразил мгновенно и тоже вытащил свою кукурузу.

— Твоя матушка передала, — беззастенчиво соврал Цзючуань. — Говорит, ты без домашней еды совсем исчах. Попросим медсестру, она на пару сварит.

Он продолжил плести небылицы с самым честным видом:

— Ты когда по нужде побежал, ручник забыл дернуть. А дорога-то под уклон шла. Машина покатилась, пока я ее ловил да разворачивал — тебя уже и след простыл. А потом движок заглох наглухо. Решили пешком выбираться. Я-то думал, раз больше года тут ошиваюсь, дорогу найду с закрытыми глазами. Да не тут-то было. У меня дисплей накрылся, у Цзяньюэ батарея села. Плутали черт знает где, только-только дошли.

Сяо Ли слабо сжал его руку:

— Главное — живые... слава богу. — Он вытер затуманенные слезами глаза и уставился на ношу Лянь Цзяньюэ: — А это у тебя в руках что за дрючок?

— А, коряга дорожная, — перебил его Цзючуань. — Опирается удобно, да и дизайн оригинальный.

Цзяньюэ сдержанно улыбнулся и спросил:

— Здесь где-нибудь можно отправить посылку?

— Давай провожу, — Цзючуань мягко подтолкнул его к выходу. На прощание он обернулся к больному: — Поправляйся давай, отъедайся!

Едва они вышли в больничный коридор, Цзючуань посерьезнел:

— Слушай, не говори про то, что с нами стряслось, в деревне ни одной живой душе. Начнешь болтать — я все буду отрицать. Сделаю вид, что ты умом тронулся, и отдуваться будешь в одиночку. Во-первых, бред же полнейший, в такое даже самый наивный читатель дешевых романов не поверит. Во-вторых, не хочу, чтобы кто-то прознал про мои Бусины Девяти Изгибов.

— Будь спокоен, — кивнул Цзяньюэ. — Я умею держать язык за зубами.

Цзючуань повеселел:

— Вот и ладно. А отправлять-то что собрался?

— Да так, долги раздать.

Они дошли до местной бакалейной лавки, которая по совместительству служила единственным в Каменной деревне почтовым пунктом. Цзяньюэ попросил у продавца шесть картонных коробок и столько же бланков.

Цзючуань, наблюдавший за его приготовлениями, смекнул в чем дело и удивленно изогнул бровь:

— Погоди... Эти священные реликвии — штука редкая и явно бесценная. И ты реально хочешь отправить их обычной доставкой?

— На дворе двадцать первый век, — не отрываясь от заполнения бланка, отозвался Цзяньюэ. — Не прикажешь же мне колесить по всей стране и лично кланяться каждому адресату?

— Ну ты и голова. Все адреса на память помнишь?

— Скажи спасибо Лянь Уцзэну. На последнем издыхании был, а продиктовал все четко, без единой запинки.

Цзючуань махнул рукой в сторону вывески через дорогу:

— Пошли перекусим. Я пока закажу на свой вкус, а ты придешь — добавишь, если мало покажется.

Цзяньюэ вернул внимание к бумагам. В графе «Отправитель» он твердой рукой вывел: Лянь Уцзэн. Дойдя до строчки с номером телефона, он на секунду задумался, бросил взгляд на улицу и быстро вписал контакты Цзючуаня.

За отправку шести посылок с него взяли почти двести юаней. Цзяньюэ расплатился, вышел наружу и пересчитал оставшуюся наличность. Отсчитав пять сотенных купюр, он вошел в закусочную и протянул деньги Цзючуаню.

Тот выудил из пачки две бумажки, а остальные оттолкнул назад:

— Лишнего не надо, не заслужил. Двести юаней — фиксированная такса за ритуальные услуги и транспорт. У нас все честно.

— Договорились, — согласился Цзяньюэ и убрал купюры.

Хозяин принес заказ: две глубокие пиалы острого супа хулатан с нежным соевым творогом, две лепешки с яйцом, тарелку лапши с соломкой из свинины и маринованными овощами, а также две порции хрустящей моркови.

Прикидывая траты, Цзяньюэ поинтересовался:

— Ну что, счет пополам?

Цзючуань отхлебнул обжигающий бульон и довольно зажмурился:

— Давай пополам. Я вообще-то собирался угостить, но раз ты у нас такой прижимистый — перебьешься. Каждый платит за себя. — Он заказал у хозяина два стакана домашней настойки. Когда алкоголь принесли, он поднял свой стакан: — А вот это за мой счет. Ты, считай, вытащил меня из лап смерти в Храме Разрешения Мирских Уз. Если еще занесет в Хэнань и понадоблюсь — звони в любое время, помогу чем смогу.

Цзяньюэ чокнулся с ним стаканом:

— Будешь в Чжэцзяне — тоже не стесняйся, обращайся.

Он пригубил вино, но Цзючуань перехватил его руку:

— Тебе крепкое нельзя. Так, чисто пригуби для приличия.

— Хорошо, сделаю пару глотков, — улыбнулся Цзяньюэ.

Поставив стакан на липкий деревянный стол, он наткнулся на тяжелый взгляд Цзючуаня. Тот смотрел на него с нескрываемой тревогой:

— Слушай, Цзя-гэ... без обид, но тебе надо серьезно заняться здоровьем. Это ведь не шутки.

Цзяньюэ лишь отмахнулся:

— Гадалка напророчила, что я до девяноста дотяну.

Цзючуань вздохнул еще тяжелее:

— С такой немощью девяносто лет — сомнительное удовольствие.

Они оба рассмеялись. За неторопливой дружеской беседой незаметно опустели тарелки и пиалы. Покончив с завтраком, парни тепло попрощались у дверей закуской. Цзяньюэ едва успел на утренний рейсовый автобус до Бэйсяня. Оттуда его путь лежал в Чжунчжоу, затем — пересадка до Лояна, а уже с лоянского вокзала он взял билет до Вэньчжоу, чтобы пересесть на поезд до Пиньяна. Коротая время в ожидании поезда на вокзале Лояна, он заглянул в сувенирную лавку, где прикупил бутылку знаменитого вина «Дукан» и пару коробок

традиционного печенья с лепестками пионов. С этой нехитрой поклажей он и вернулся в Пиньян.

<http://bllate.org/book/19697/1986992>